DOI: 10.15593/perm.kipf/2020.3.10
УДК 364.628(470.53)“1941–1945”

«ИМЕЯ ПРОПИТАНИЕ, И ОДЕЖДУ, И КРОВ, УДОВЛЕТВОРИМСЯ ЭТИМ»*

Г.Д. Селянинова

Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермь, Россия

О СТАТЬЕ

Получена: 08 июня 2020 г.
Принята: 17 сентября 2020 г.
Опубликована: 16 декабря 2020 г.

Ключевые слова:

социокультурная травма, война, нарративные источники, стратегии выживания, город Молотов (Пермь), Молотовская область.

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена стратегиям выживания населения тыловых территорий (на примере Молотовской области) в период Великой Отечественной войны. На основе методологии социокультурной травмы раскрываются стратегии биологической адаптации к травме, связанные с необходимостью физического самосохранения (поиск продовольствия, обретение жилища, обеспечение одеждой). В качестве источников использованы воспоминания очевидцев событий: детей войны, тружеников тыла; были привлечены устные интервью, а также письменные мемуарные свидетельства.

Результаты проведенного исследования показали, что механизмы социальной адаптации личности в условиях травмы войны помогали выживать в тылу при нехватке продовольствия, отсутствия комфортных жилищных условий, трудностей в обеспечении одеждой, а также необходимости много трудиться, быть разлученными с близкими. Адаптация к травматической ситуации была связана с необходимостью приспособления к трудностям и лишениям как стратегии выживания. Усилия людей в это время были обращены прежде всего к вопросам биологического выживания: обеспечения пищей, жилищем и одеждой.

Нехватка продовольствия приводила к тому, что состояние голода становилось постоянным, несмотря на существование как государственных стратегий продовольственного обеспечения, так и механизмов самообеспечения, активно использовавшихся населением. Однако поиск продовольствия в виде «мешочничества» был сильно затруднен жесткими запретительными мероприятиями государственных органов.

Во время войны резко ухудшилась жилищная ситуация в тылу, большое количество эвакуированных расселялось на имеющихся жилых площадях. Существовали в основном государственные стратегии распределения жилой площади: «уплотнение» и строительство временного жилья – барачных и землянок, что в целом дало возможность адаптироваться к травме войны и позволило выжить в ее условиях.

Поскольку предприятия обеспечивали работников спецодеждой, рабочая одежда превращалась в повседневную. Одежда реставрировалась, перешивалась, производилась кустарным способом.

В целом адаптация к социокультурной травме на биологическом уровне для населения тыловых территорий происходила на грани физического выживания.

© ПНИПУ

© Селянинова Гульсина Дагирьяновна – кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного управления и истории, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9928-7333>, e-mail: gsina@mail.ru.

© Gulsina Dagiryanovna Selyaninova – Candidate of Sciences in History, Associate Professor, Department of Public Administration and History, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9928-7333>, e-mail: gsina@mail.ru.

*Библия. 1-е послание Тимофею 6:8.

Эта статья доступна в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)
This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

«HAVING FOOD, AND CLOTHING, AND SHELTER, WE WILL BE SATISFIED WITH THIS»

Gulsina D. Selyaninova

Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russian Federation

ARTICLE INFO

Received: 08 June 2020
Accepted: 17 September 2020
Published: 16 December 2020

Keywords:

sociocultural trauma, war, narrative sources, survival strategies, the city of Molotov (Perm), Molotov Region.

ABSTRACT

The article is devoted to the survival strategies of the population of the rear territories (drawing on the example of Molotov region) during the Great Patriotic War. The article is based on the methodology of sociocultural trauma. The strategies for biological adaptation to trauma associated with the need for physical self-preservation (food search, housing, providing clothes) are revealed. The narrative sources were used for the study: memories of eyewitnesses of the events: children of the war, home front workers; oral interviews were also involved, as well as written memoirs.

As a result of the study it's possible to conclude that the mechanisms of social adaptation of an individual in the conditions of the war trauma helped to survive in the rear with a shortage of food, a lack of comfortable living conditions, difficulties in providing clothes, as well as the need to work hard and be separated from relatives. Adaptation to the traumatic situation was associated with the need to adapt to difficulties and hardships as a survival strategy. The efforts of people were addressed at this time, first of all, to the issues of biological survival: providing food, shelter and clothing.

The food shortage led to the fact that the state of hunger became constant, despite the existence of both state food supply strategies and self-sufficiency mechanisms that were actively used by the population. However, the search for food in the form of "sacking" was faced with tough prohibitive measures by government agencies.

During the war, the housing situation in the rear deteriorated sharply, a large number of evacuated settled in existing residential areas. There were mainly state strategies for the distribution of living space: "compaction" and the construction of temporary housing – barracks and dugouts, which in general made it possible to adapt to the trauma of the war and allowed to survive in war conditions.

Since the enterprises provided workers with work clothes, work clothes were becoming usual cloth for daily life. Clothing was restored, changed, made in a handicraft way.

Generally, adaptation to sociocultural trauma at the biological level for the population of the rear territories occurred on the verge of physical survival.

© PNRPU

Концепция социокультурной травмы дает возможность рассматривать события прошлого как с точки зрения обращения к общим для страны процессам повседневной жизни, так и с позиций опыта, пережитого конкретными людьми [1–5].

Травматические события Великой Отечественной войны относятся к ряду тех, которые оказали сущностное влияние на ценности, мировосприятие, представления о себе советских людей. Любой военный конфликт создает ситуацию травмы, влияющую на жизнь человека не только в ходе непосредственных военных действий, но даже и глубоко в тылу.

Травматические обстоятельства войны вынуждают людей прибегать к стратегиям выживания, которые можно рассматривать как противоположность устройства благополучной жизни в мирных и спокойных условиях повседневности.

Травма, охватывая разные стороны жизни общества, проявляет себя определенным образом. На биологическом уровне травма манифестирует себя в форме увеличения смертности, массовой гибели людей, вызывая необходимость обращения населения к стратегиям биологического выживания [5, с. 10].

На социальном уровне травма воздействует на социальную структуру общества, разрушает существующие социальные взаимодействия, системы, иерархию и т.д. [5, с. 10].

В сфере культуры травма разрушает существующие ценности и тем самым – идентичности; создаются новые идеологемы и культурные имиджи взамен старых [5, с. 11]. Изучение исторической памяти способствует углублению понимания идентичности, поскольку коллектив-

ное прошлое создает символы, маркеры, общие образы, формирующие имидж нации. В процессе адаптации к травме трансформируется традиционная идентичность, что может выражаться, например, в отказе от религиозной обрядности и провозглашении атеистических воззрений.

При осмыслении травм, пережитых обществом, важно обращение к нарративным источникам, таким как воспоминания очевидцев событий – устные интервью и письменные мемуарные свидетельства. Человеческая память вполне способна выступить в качестве машины времени, погружая нас благодаря рассказам старожилов в прошлое, хотя и не столь давнее, но порой столь же неизвестное, как и отдаленные эпохи. Мы легче и быстрее постигаем смысл событий прошлого, если рассказ о них наполнен человеческими чувствами. Диалог поколений, который происходит при записи воспоминаний, как раз и дает возможность прикоснуться к человеческому измерению событий прошлого благодаря проникновению в мир чувств людей, особенности их восприятия пережитого. И здесь актуальными выступают подходы устной истории, позволяющие прикоснуться к индивидуальному опыту рядовых участников исторических событий, и являются инструментами изучения исторической памяти.

В статье мы обращаемся к изучению данных стратегий в области повседневной жизни людей, их обыденного опыта. Подчеркивая, что «проблемы человеческого бытия бесчисленны и многообразны», известный российский историк Ю.А. Поляков выделил направления изучения повседневности. К историко-демографическому он отнес «рождаемость, смертность, продолжительность жизни, здоровье, заболеваемость, состояние медицинского обслуживания и его доступность». Среди других важнейших направлений он называл «изучение семьи, брака, семейных и интимных отношений, в том числе добрачных и внебрачных». Третье направление он обозначал как жизненные условия: «жилье, питание, одежда, транспорт, коммуникации, состояние сферы услуг, обеспеченность бытовой техникой и проч.» И еще в одну группу проблем для исследования повседневности он объединил досуг, отдых, занятия спортом, соблюдение праздничных обрядов [6, с. 7–8].

Обращение к стратегиям биологического выживания в период войны имеет дело, по определению Ю.А.Полякова, с третьей группой проблем – обеспечения необходимого человеку пищевого рациона, жилища, одежды. Действительно, в годы войны для населения тыловых территорий прежде всего было важно физическое самосохранение (поиск продовольствия, забота о здоровье, кризис гендерной идентичности и т.д.).

1. Стратегии продовольственного снабжения

Можно выделить различные стратегии продовольственного снабжения в годы войны: государство обеспечивало минимальные потребности, вводя нормированную карточную систему, дифференцированную для различных категорий населения страны; промышленные предприятия имели подсобные хозяйства, и государственные органы распределяли участки земли в индивидуальное пользование; широко было распространено мешочничество как обмен личного имущества и различных потребительских товаров на продукты питания; имела место продажа изделий кустарного производства с целью последующего приобретения пищи; дополнительным источником снабжения были дары природы: дикорастущие травы, грибы, ягоды, а также рыбалка, охота и т.д. [7, с. 168–177].

Карточная система как государственная стратегия обеспечения населения продовольствием удовлетворяла минимальные потребности населения в продуктах питания. Ограничения, которые были с ней связаны, носили наиболее травматический характер.

Нормирование продовольственного обеспечения в годы войны было традиционной практикой во многих странах: карточная система обеспечивала все слои населения продовольственным минимумом. Нормы выдачи основных продуктов (хлеб, крупы, сахар) по карточкам или талонам были разными в зависимости от характера трудовой деятельности или принадлежности к той или иной социальной группе. Работникам промышленных предприятий выделялось от 700 граммов до 1 килограмма хлеба в сутки, служащим – 400–500 граммов, и меньше всего – детям и иждивенцам. Отметим, что нормы обеспечения хлебом по карточкам не были неизменными. Имели место случаи, когда из-за отсутствия продуктов не все карточки обеспечивались в соответствии с установленными нормами, бывали задержки в распределении хлеба, и тогда карточки пропадали. Б.Ф. Субботин, пермский краевед, в своих воспоминаниях отмечал: «Началась карточная система, стали давать все по норме. Порой не всегда удавалось выкупить то, что тебе полагалось... Картошка моментально поднялась в цене, за 1 кг надо было отдать 120 рублей. Литр молока – тоже 120 рублей, исчезли с прилавков местных рынков мясо, сметана, творог и другие продукты» [8, с 145].

Цены на нормированные продукты в течение всей войны не повышались, оставаясь на довоенном уровне.

При этом надо отметить, что и в сельской местности население могло обеспечиваться хлебом по карточкам, по крайней мере дети получали минимальную норму, составлявшую 200 граммов: «Когда началась война в 41-м году, всякое было, когда и хлеба не было. Дадут 200 грамм на человека, это что – 200 грамм – такой маленький кусочек. Бывало это, бывало» (интервью с З.Ф. Можяевой (1939 г.р.) записано 03.11.2012 в деревне Ключи Юсьвинского района Пермского края (из личного архива автора)).

В годы войны большую роль играла расширившаяся сеть предприятий общественного питания, в данном случае речь идет о заводских или школьных столовых, обеспечивавших некоторую минимальную потребность в пище. «В столовой кормили плохо – баландой да кровяными котлетами, хлеб по карточке давали 700 граммов, вроде бы немало, а если больше нечего есть, это немного, потому что надо в столовой и дома надо что-то есть...» – вспоминали работники тыла (8, с. 136–137).

Детей военной поры зачастую спасали от голода остатки пищи, которые они получали, выстаивая в очереди за ними в таких столовых. «А мы ведь стояли в очереди за очистками картофельными... в столовую, за супом, который оставался, за баландой, в которой капуста, кочерыжки плавали, трава... Нам на руках всегда писали номерки карандашом химическим» (8, с. 152).

Помимо минимальных норм снабжения населения страны по карточной системе, регулировавшейся органами государственной власти, активно развивались продовольственные стратегии самообеспечения населения продуктами питания.

Одной из них было огородничество. Для расширения продовольственной базы питания рабочих крупных промышленных предприятий создавались подсобные хозяйства, кроме того, в личное пользование рабочим выделялись индивидуальные участки земли. На индивидуальных участках культивировался в основном картофель, в то время как подсобные хозяйства предприятий выращивали даже зерновые для обеспечения своих работников. Вопрос о выделении земель решался также на государственном уровне в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О выделении земель под подсобные хозяйства и под огороды рабочих и служащих» от 7 апреля 1942 года.

И возможность высаживать картофель для многих оказывалась спасением от голодной смерти. «Военные годы, конечно, были трудными. Нас, детей, было тогда трое... Конечно, труд-

но было, хлеба не хватало... Выручала нас тогда всех картошка. Тогда картошка очень хорошо росла. Хлеба нет, но была картошка, и мы сыты» (интервью с А.Г.Габдульбаровым (1937 г.р.) записано 30.08.2012 в селе Чайка Уинского района Пермского края (из личного архива автора)). Многие очевидцы подчеркивали важность огородничества: «Жили только вот на своем огороде. Картошку растили, морковь, свеколку, капусту» (интервью с М.Г.Рыжкиной (1936 г.р.) записано 28.08.2012 в с. Суда Уинского района Пермского края (из личного архива автора)).

Развитие огородничества давало возможность выжить, но все-таки оставалось недостаточным для полноценного обеспечения продовольственных потребностей. Население часто прибегало к обмену личного имущества и различных потребительских товаров на продукты питания. В исторической литературе это явление получило название *мешочничество*, считавшееся по советским законам разновидностью спекуляции [9, с. 20]. Мешочничество считалось явлением, с которым необходимо было бороться, и соответствующие постановления принимались. 25 сентября 1942 года было принято постановление ГКО «О мероприятиях по борьбе с «мешочничеством» на железнодорожном и водном транспорте», 3 октября 1942 года был введен в действие приказ Прокуратуры СССР, Наркомата юстиции СССР и НКВД СССР «О мерах борьбы с «мешочничеством»». Ручная кладь, превышавшая 16 разрешенных для провоза килограммов, изымалась.

Люди также зарабатывали на проживание посредством кустарного изготовления изделий, производя различные товары и продавая их на рынке (вязанные рукавицы, шерстяные носки, сшитые платья).

Чтобы выжить, горожане и сельские жители использовали различные замены обычным продуктам: листья деревьев, клевер, различные травы. Грибы и ягоды были также важными пищевыми продуктами, полученными благодаря собирательству. «...Потом пистик выйдет, пикан выйдет. Все это соберем под снегом-то, да и зелень съедобную... Когда жнут, много остается зерен на земле и под снег попадает, а вот потом весной снег тает, мы бродим и их собираем. Все чистит мама и вместе с пистиками хлеб делает. А это зерно-то чистишь, да ведь мелить надо, самодельные были мельницы-то» (интервью с Л.П. Поповой (1939 г.р.) записано 23.07.2012 в поселке Комсомольский Кунгурского района Пермского края (из личного архива автора)).

Нехватка продуктов питания была явлением повсеместным. «А в колхозе-то кушать нечего было, мы и траву ели, мы все ели... Я телят колхозных пасла с семи лет. Мне семь лет было, меня рано утром в четыре часа поднимали, потому что, когда вот солнце-то взойдет, телят пауты начнут кусать, они уже забегают. Вот меня поднимали, и я в сено зарывалась. Мне мама говорит: “Нинка, вставай, иди! – Хоть какой-то трудовень заработать, хоть пшеницы килограмм дадут”. Кушали траву, лебеду, крапиву, гнилую картошку ходили воровали. Председатель не давал. Пиканы, эти пистики – вот то наше кушанье было. Вот мама кусочек хлеба даст, и то на нас на шестерых делила. Вот по такому кусочку» (интервью с Н.В. Зайцевой (1934 г.р.) записано 20.07.2012 в г. Перми (из личного архива автора)).

Очень многие респонденты помнят состояние постоянного голода: «Ну что мы ели, баланду мама сварит, хлеба не было, не было ничего» (интервью с Л.С.Азановой (1931 г.р.) записано 02.05.2012 в г. Верещагино Пермского края (из личного архива автора)).

Были и отравления, связанные с употреблением несъедобных трав или большого количества пищи, к которой организм был не готов. После Дня Победы, когда войска перегонялись на Дальний Восток, дети караулили эшелоны, которые проходили через город Молотов (сейчас – Пермь). «...Нам выкидывали то галеты сушеные, то мясо. Кто банки выкидывал, хлеб нам выкидывали. Мы, конечно, подбирали. Кто-то нес домой, кто-то съе-

дал на месте. Голодные же. Съели эти галеты, они разбухли в животе и все: заворот кишок – и в морг. Такое даже бывало» [8, с. 153].

Недоедание, необходимость тяжело трудиться как на промышленных предприятиях, так и в сельской местности приводили к серьезным заболеваниям. «В военные годы мама у меня заболела туберкулезом, и нас распределили с сестрой по крестным, мама была туберкулезная, и воспитывать ей нас как бы запретили. Веру оставили здесь со своей крестной (с папиной сестрой) и с бабушкой. А меня отправили к маминой бабушке в Куйбышевскую область. Я там росла. Так я снова стала жить, где родилась. В 1945 году моя мама умерла», – вспоминала М.Г. Рыжкина (интервью с М.Г. Рыжкиной (1936 г.р.) записано 28.08.2012 в с. Суда Уинского района Пермского края (из личного архива автора)).

В сельской местности население обеспечивало потребность в алкогольных напитках, производя самогон. «Это правда, в войну самогонку гнали – продать ее, чтобы купить керосину, спичек. Так и то гоняли, штраф давали, втихаря это надо было делать» – вспоминали очевидцы (интервью с А.С. Калининой (1929 г.р.) записано 29.08.2012 в г. Соликамске Пермского края (из личного архива автора)).

2. Практики обеспечения жилищем

В годы войны остро стояли не только проблемы пищевого рациона, но и жилищных условий людей, особенно в городах. Для стратегий биологического выживания вопрос о наличии крова является одним из важнейших. В результате эвакуации предприятий и их сотрудников, бегства населения из прифронтовых территорий в тыловые города произошло резкое ухудшение жилищной ситуации на востоке страны. Плотность населения превысила все мыслимые нормы. Имели место случаи, когда на 5 кв.м проживала семья из трех человек [10, с. 232].

В исторической литературе прижился бытовавший во время войны термин «уплотнение», который связывают с размещением эвакуированного населения. Например, известный пермский историк В.П. Мохов подчеркивал, что «большую часть эвакуированных расселяли за счет “уплотнения” местного населения, а в тех случаях, когда помещений не хватало, строились бараки, полуземлянки и землянки» [11, с. 16–17].

Отметим, что ответственность за обеспечение пристанищем в условиях войны лежала на органах государственной власти. Как отмечает Т.П. Хлынина, «жилищные управления исполкомов городов, подвергшихся разрушениям, проводили ежедневные обследования состояния жилищного фонда и решали вопросы, связанные с судьбами людей, лишившихся крова» [12, с. 56].

В условиях военного времени не могла даже возникнуть возможность жилищного самообеспечения. Занятость на производстве, скудный рацион, сама ситуация, нацеливавшая на достижение победы, не способствовали проявлению независимой от государства активности людей в жилищном вопросе. В Молотовской области летом 1943 года XII пленум областного комитета ВКП(б) запретил строить временные жилища и бараки, предполагая улучшить ситуацию со строительством жилья, однако в реальности многие люди продолжали жить в них еще долгие годы [13, с. 129].

Е.Г. Спиридоненко, эвакуированная в г. Молотов на лесокombинат «Красный Октябрь», вспоминала: «Сразу возникла острая проблема по обеспечению эвакуированных людей жильем. Вопросы эти решались, прежде всего, за счет уплотнения местных жильцов и подселения к ним прибывших. Не оставалось ни одной квартиры без подселения. На улице, без крыши над головой, никто не оставался. Никто не роптал на тесноту» [8, с. 104].

А.Е. Малых, оставшись в возрасте 18 лет с младшими детьми, прибыла в Молотов в 1943 году, она вспоминала: «Проживали мы тогда в неотапливаемом и без воды бараке в комнате 15 кв.м. Ни родных, ни знакомых. В такое страшное лихолетье мы остались со своим горем, страхом, сплошными кошмарами за существование в тяжелейшем положении. Никаких шансов на поддержку. Жили не плохо, а очень плохо» [8, с. 104]. Г.В.Зеленина описывает условия жизни людей в землянках на станции Химград: «Там были земляночки, такие плохонькие дома из фанеры, из чего-то. Жить ведь негде было» [8, с. 127].

Но жизнь даже в таких условиях означала обретение пристанища после утраты крова и привычных условий жизни для многих людей.

Получение на семью комнаты не в бараке или в землянке, а в городском доме с водоснабжением и канализацией рассматривалось как особое везение. «Жили в Сталинском районе, рядом с заводом. Когда в Мотовилихе жили, наши дома сгорели. И отцу дали квартиру в административном доме. Люди жили в бараках, а у нас считался как отдельный дом. У нас была комната. В ней жила наша семья, шесть человек» [14, с. 122].

Воспоминания полны рассказами о всевозможных трудностях, связанных с обеспечением жильем. В устном интервью В.А. Бондаренко рассказала: «Мы жили здесь, на Пролетарке. Напротив станции был двухэтажный дом... А так как папа работал дежурным на тридцать седьмом разъезде, нам дали там комнату. Как только папа ушел на фронт, нас выселили. И мы остались совершенно без квартиры... Потом, когда мама однажды опоздала на работу, ее в пятнадцать минут уволили с фабрики, и она стала безработной... Хорошо, что ее не посадили! И только потому, что у нее двое малолетних детей, ее просто уволили» [8, с. 150]. Семья обрела пристанище после того, как мама устроилась домработницей: «Где-то в какой-то комнатенке жили... Там на полу спали. Стол стоял, печка была в углу. За то, что мама работала, за квартиру с нас не брали и давали поллитра молока» [8, с. 150].

Ответом на условия вынужденной тесной коммуникации людей стал коллективизм. Историки отмечают, что в период войны «общая судьба, потеря близких, общие переживания трудностей привели к тому, что соседские отношения превратились почти в родственные: они были полны общих переживаний, радостных и трагических. Получение похоронок, коллективное оплакивание погибших – общее горе; праздники, застолья, демонстрации – общая радость» [15, с. 78–79]. В результате сформировались характерные особенности общения людей, вынужденных постоянно коммуницировать в условиях жилищной скученности, имевших место из-за «уплотнений» военного времени.

Однако отметим все же, что в условиях тесного контакта людей в плотно заселенных коммунальных квартирах при подселении эвакуированных могли возникать и сложности психологического характера.

Проблема обеспечения жильем беженцев оставалась острой в тыловых городах на протяжении первых лет войны – в 1941–1942 годах. Даже осенью 1942 года привокзальная площадь г. Перми была местом размещения лагеря беженцев, «еще не нашедших приюта в жилых домах города» [16, с. 184]. В тылу на многих промышленных предприятиях устанавливалась военная дисциплина, предполагавшая жестокие наказания за прогулы или опоздания, но жилищная неустроенность становилась порой причиной нарушений существовавших требований, приводивших даже к потере свободы. «Многие работники снимали жилье в самых отдаленных районах города и пригородах, добирались до предприятий часами, чаще пешком» [13, с. 349]. Таким образом, потребность в жилище удовлетворялась в основном за счет «уплотнений» и строительства «временок», увеличивавших количество проживавших в существовавшем жилом фонде.

3. Одежда как способ выживания

Безусловно, в период войны производственные мощности были задействованы в основном в области производства вооружений и обеспечения армии, если это касалось продукции легкой промышленности.

В военное время обеспечение одеждой следует рассматривать как «средство выживания в суровых условиях» [15, с. 79], поскольку наличие необходимой одежды напрямую было связано с возможностью трудиться и сохранить при этом здоровье.

На повседневную моду периода войны большое влияние оказала востребованная в то время военная униформа. Ее производили в том числе и в Перми. «Мама работала на фабрике “Пермодежда”, шила солдатские галифе», – вспоминала В.А. Бондаренко [8, с. 150]. В г. Березники (в годы войны – Молотовская область) в кожевенном цехе Горпромкомбината производилась обувь, тапочки для госпиталей, на швейной фабрике выпускались гимнастерки, бриджи, хлопчатобумажное обмундирование для рядовых бойцов, теплое белье, ватные брюки, телогрейки и т.д. [13, с. 45].

Прекращение пошива гражданской одежды и увеличение производства армейского обмундирования привели к тому, что военная форма оказала влияние и на повседневную одежду населения тыловых территорий. Кроме того, широко распространенной одеждой оказались ватники (или телогрейки). Как отмечает тульский краевед В.Шарилов, «телогрейка превратилась из одежды, предназначенной для работы, в одежду повседневную..., в годы войны телогрейка стала самой популярной одеждой в Туле, да и в стране» [17]. Происходило это в силу удобства использования и в связи с тем, что большая продолжительность рабочего дня не позволяла работникам тыла уделять много внимания нарядам. Кроме того, многим категориям рабочих в период войны телогрейки выдавались в качестве спецодежды.

Для ее производства была необходима вата, которую зачастую выскребали «в общежитиях из подушек и матрацев... и использовали для пошива теплого обмундирования: штанов, курток, заменяя... на стружку и солому» [13, с. 344].

В последние годы войны (1944–1945) в страну поступали «обувь, пальто, белье, фуфайки, платья, костюмы, ткани, которые жертвовали и собирали простые американцы. Завод № 19 им. Сталина (г. Молотов) получил два вагона таких подарков. Вещи выдавались бесплатно..., вопросы о распределении поступившей помощи решали «треугольники цехов и отделов» [13, с. 285].

Вещи, оставшиеся с довоенного периода, реставрировались, перешивались, использовались для пошива детской одежды. Компактное расселение молодежи и подростков в заводских общежитиях, бараках (юнгородках) дополнялось оказанием им шефской помощи, например в починке одежды, – как это сделали комсомольцы цеха № 38 завода № 19 г. Молотова в подшефном общежитии [13, с. 392].

Удовлетворить потребности людей в повседневной одежде помогала продукция кустарного производства. «Мой старший брат дома шил тайком от налоговой инспекции тапочки из какой-нибудь кожи наполовину с парусиной, картоном и другими заменителями, а я их на рынке успешно реализовывал... Моя мать и тетка шили и перешивали из разных тканей одежду, ...я ее быстро реализовывал... К примеру, надо было продать платье за 150–250 рублей, а я его продавал на десятку или две дорожке», – вспоминал подросток военной поры Б.Ф. Субботин, собиравший деньги для побега на фронт [8, с. 146–147].

Традиционная народная культура, связанная с производством льна, помогала людям обеспечивать себя теми или иными предметами одежды. В деревнях сохранялись станки для

домашнего производства льняных тканей, и одежда из выращенного льна была широко распространена. «Одежду мы носили леновую. Все лен был, сами ткали, сами пряли. Был станок» (интервью с Л.П. Поповой (1939 г.р.) записано 23.07.2012 в поселке Комсомольский Кунгурского района Пермского края (из личного архива автора)).

Очевидцы помнят о трудностях в обеспечении одеждой. «А одежда была самая простая, к празднику вот только когда сошьют ситцевое платье. Плохо одевались. А обувь была: летом – босиком, зимой – валенки. Овечек держали – валенки-то были. Ну когда подшивают, дак на печке сидишь, подошьют – опять на улицу» (интервью с О.Ф. Белобородовой (1941 г.р.) записано 24.07.2012 в поселке Комсомольский Кунгурского района Пермского края (из личного архива автора)).

Обеспечение потребности людей в одежде было более простой задачей по сравнению с обеспечением обувью. В сельской местности в качестве обуви могли использоваться лапти. «Во время войны в лаптях ходили», – вспоминали респонденты (интервью с Л.С. Азановой (1931 г.р.) записано 02.05.2012 в г. Верещагино Пермского края (из личного архива автора)). Безусловно, лапти дополнялись вязаными носками.

На популярных в сельской местности «посиделках» женщины собирались, чтобы вязать и шить теплые вещи для фронта, для себя и эвакуированных детей, зачастую и на продажу, чтобы купить продукты питания [13, с. 127].

Активное вовлечение женщин в производственный процесс в годы войны повлияло на изменение их внешнего вида. Необходимость иметь спецодежду для соответствующих видов деятельности привела к тому, что популярными у женщин стали «мужские солдатские шапки-ушанки, ватные штаны, телогрейки и сапоги, <поскольку> для выполнения мужской работы лучше всего подходил мужской комплекс одежды как наиболее функциональный» [17].

Механизмы социальной адаптации личности в условиях травмы войны помогали выживать в тылу в ситуации нехватки продовольствия, необходимости много трудиться, быть разлученными с близкими. Адаптация к травматической ситуации была связана с необходимостью приспособления к трудностям и лишениям как стратегии выживания. Усилия людей были направлены в это время прежде всего на биологическое выживание: обеспечение пищей, жилищем и одеждой.

Нехватка продовольствия приводила к тому, что состояние голода становилось постоянным, несмотря на существование как государственного продовольственного обеспечения, так и самообеспечения, активно использовавшихся населением. Однако поиск продовольствия в виде «мешочничества» был сильно затруднен жесткими запретительными мероприятиями государственных органов. Обращение к самообеспечению продуктами питания происходило в силу недостаточности продовольственного снабжения по карточной системе, введенной государством.

Резко ухудшилась жилищная ситуация в тылу, поскольку большое количество эвакуированных расселялось на имеющихся жилых площадях. Существовало в основном государственное распределение жилой площади: «уплотнение» и строительство временного жилья – бараков и землянок, что давало возможность адаптироваться к травме войны и выжить в ее условиях.

В результате того, что предприятия обеспечивали работников спецодеждой, происходило превращение рабочей одежды в повседневную. Одежда реставрировалась, перешивалась, производилась кустарным способом.

Адаптация к социокультурной травме на биологическом уровне для населения тыловых территорий происходила на грани физического выживания, приводя нередко к гибели от истощения или болезней. Рассматривая стратегии выживания как механизмы адаптации к социокультурной травме, мы ни в коем случае не считаем их стратегиями преодоления травмы, полагая, что это попытка примириться с условиями социокультурной травмы, выжить в ее условиях. Что же касается преодоления травмы – это процесс, который проходит общество в целом и очень часто он откладывается на несколько десятилетий, предполагая смену поколений.

Список литературы

1. Аарелайд-Тарт А. Теория культурной травмы (опыт Эстонии) // Социологические исследования. – 2004. – № 10. – С. 63–72.
2. Айерман Р. Социальная теория и травма // Социологическое обозрение. – 2013. – Т. 12, № 1. – С. 121–138.
3. Александер Дж. Смыслы социальной жизни. Культурсоциология. – М.: Праксис, 2013. – 640 с.
4. Травма: пункты: сб. ст. / сост. С. Ушакин, Е. Трубина. – М.: Новое литературное обозрение, 2009. – 936 с.
5. Штомпка П. Социальное изменение как травма (статья первая) // Социологические исследования. – 2001. – № 1. – С. 6–16.
6. Поляков Ю.А., Жиромская В.Б. Человек в повседневности: прошлое и настоящее // Вестник РУДН. Сер. «История России». – 2003. – № 2. – С. 7–9.
7. Селянинова Г.Д. Карточная система, мешочничество, натурализация и другие средства выживания советских людей в тылу и на оккупированной территории в годы Великой Отечественной войны (на основе воспоминаний, собранных в Пермском крае Центром устной истории Пермского государственного педагогического университета) // Человек и война: Воспоминания ветеранов фронта и тыла, детей войны – жителей Дзержинского района г. Перми: сб. документов. – Пермь, 2010. – С. 168–177.
8. Человек и война: Воспоминания ветеранов фронта и тыла, детей войны – жителей Дзержинского района г. Перми: сб. документов. – Пермь, 2010. – 179 с.
9. Блинова В.В. Борьба со спекуляцией в годы Великой Отечественной войны (историко-правовой анализ) // Образование. Наука. Научные кадры. – 2019. – № 3. – С. 19–22.
10. Чашухин А.В. Эвакуированные или депортированные? Образы чужаков и стратегии повседневности в отчетах партийных руководителей Прикамья // Вестн. Перм. ун-та. Сер. История. – 2015. – № 1. – С. 228–235.
11. Мохов В.П. Пермский край и Великая Отечественная война // Пермский край в Великой Отечественной войне: энцикл. – Пермь: Пушка, 2015. – С. 15–24.
12. Хлынина Т.П. Жилищная политика и механизмы ее реализации в СССР в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2014. – № 2. – С. 56–68.
13. Пермский край в Великой Отечественной войне: энцикл. – Пермь: Пушка, 2015. – 432 с.
14. Дорогами войны. Воспоминания ветеранов фронта и тыла, детей войны: сб. интервью. – Пермь, 2010. – 264 с.
15. Кучева А.В., Мордвинцева В.С. Повседневная жизнь советского человека в послевоенный период (40–50-е годы XX века): основные стратегии выживания и преодоления травмы // Техногос. – 2019. – № 3. – С. 73–83.

16. Плеханов М.С. Шестьдесят три года на стройках Перми. Дело, идущее сквозь время. – Пермь, 2018. – 236 с.

17. Шариков В.Е. Одежда туляков в годы Великой Отечественной войны [Электронный ресурс]. – URL: http://www.tulainpast.ru/odezhda_tulyakov_v_xx_stoletii/row1016/ (дата обращения: 05.06.2020).

References

1. Aarelaid-Tart A. Teoriia kul'turnoi travmy (opyt Estonii) [Cultural Trauma Theory (Estonian Experience)]. *Sotsiologicheskie Issledovaniia*, 2004, no. 10, pp. 63-72.
2. Aierman R. Sotsial'naia teoriia i travma [Social Theory and Trauma]. *Sotsiologicheskoe Obozrenie*, 2013, vol. 12, no. 1, pp. 121-138.
3. Aleksander Dzh. Smysly sotsial'noi zhizni. Kul'tursotsiologiia [The Meanings of Social Life. Cultural Sociology]. Moscow, Praksis, 2013, 640 p.
4. Ushakin S., Trubina E. Travma: punkty [Trauma: Points]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2009, 936 p.
5. Shtompka P. Sotsial'noe izmenenie kak travma (stat'ia pervaiia) [Social Change as Trauma (Article One)]. *Sotsiologicheskie Issledovaniia*, 2001, no. 1, pp. 6-16.
6. Poliakov U.A., Zhiromskaia V.B. Chelovek v povsednevnosti: proshloe i nastoiashchee. Nauchnyi sovet RAN [Man in Everyday Life: Past and Present. RAS Scientific Council]. *Vestnik Rossiiskogo Universiteta Druzhby Narodov. «Istoriia Rossii»*, 2003, no. 2, pp. 7-9.
7. Selianinova G.D. Kartochnaia sistema, meshochnichestvo, naturalizatsiia i drugie sredstva vyzhivaniia sovetskikh lyudei v tylu i na okkupirovannoi territorii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (na osnove vospominanii, sobrannykh v Permskom krae Tsentrom ustnoi istorii Permskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta) [Card System, Bagging, Naturalization and Other Means of Survival of Soviet People in the Rear and in the Occupied Territory During the Great Patriotic War (Based on Memories Collected in the Perm Territory by the Center for Oral History of the Perm State Pedagogical University)]. *Chelovek i voina: Vospominaniia veteranov fronta i tyla, detei voiny – zhitelei Dzerzhinskogo raiona g. Permi*. Perm', 2010, pp. 168-177.
8. Chelovek i voina: Vospominaniia veteranov fronta i tyla, detei voiny – zhitelei Dzerzhinskogo raiona g. Permi [Man and War: Memoirs of Front and Rear Veterans, Children of War - Residents of the Dzerzhinsky District of Perm]. Perm', 2010, 179 p.
9. Blinova, V.V. Bor'ba so spekulatsiei v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (istoriko-pravovoi analiz) [Fight Against Speculation During the Great Patriotic War (Historical and Legal Analysis)]. *Obrazovanie. Nauka. Nauchnye Kadry*, 2019, no. 3, pp. 19-22.
10. Chashchukhin A.V. Evakuirovannye ili deportirovannye? Obrazy chuzhakov i strategii povsednevnosti v otchetakh partiinykh rukovoditelei Prikam'ia [Evacuated or Deported? Images of Strangers and Strategies of Everyday Life in the Reports of the Party Leaders of the Kama Region]. *Vestnik Permskogo Universiteta. Istoriia*, 2015, no. 1, pp. 228-235.
11. Mokhov V.P. Permskii krai i Velikaia Otechestvennaia voina [Perm Territory and the Great Patriotic War]. *Permskii krai v Velikoi Otechestvennoi voine*. Entsiklopediia. Perm', Pushka, 2015, pp. 15-24.
12. Khlynina, T.P. Zhilishchnaia Politika i mekhanizmy ee realizatsii v SSSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [Housing Policy and the Mechanisms of Its Implementation in the USSR During the Great Patriotic War]. *Gumanitarnye Issledovaniia v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, 2014, no. 2, no. 56-68.
13. Permskii krai v Velikoi Otechestvennoi voine [Perm Territory in the Great Patriotic War]. Entsiklopediia. Perm', Pushka, 2015, 432 p.
14. Dorogami voiny. Vospominaniia veteranov fronta i tyla, detei voiny [The Roads of War. Memories of Front and Rear Veterans, Children of War]. Perm', 2010, 264 p.
15. Kucheva A.V., Mordvintseva V.S. Povsednevnaia zhizn' sovetskogo cheloveka v poslevoennyi period (40–50-e gody XX veka): osnovnye strategii vyzhivaniia i preodoleniia travmy [Everyday Life of Soviet People in Postwar: Survival Strategies]. *Technologos*, 2019, no. 3, pp. 73-83.
16. Plekhanov M.S. Shes't'siat' tri goda na stroikakh Permi. Delo, idushchee skvoz' vremia [Sixty-Three Years at Construction Sites in Perm. A Business Going Through Time]. Perm', 2018, 236 p.
17. Sharikov V. E. Odezhda tulyakov v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [Tula Clothing During the Great Patriotic War], available at: http://www.tulainpast.ru/odezhda_tulyakov_v_xx_stoletii/row1016/ (accessed 5.06.2020)